

УДК 882

МОТИВЫ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «СТУДЕНТ»© *Пермякова Ольга Евгеньевна*

кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы высшей категории СОШ № 1852, г. Москва.

Россия, 111401, г. Москва, ул. 2-я Владимирская, д. 22а

E-mail: tutunagu@mail.ru.

Рассматривается мотивная структура рассказа А. П. Чехова «Студент». Выявлено движение от мотивов природы, материальных предметов к мотивам размышлений и преобразований в природе и человеке, позволяющее открыть в знакомом тексте новые оттенки смысла.

Ключевые слова: мотив, мотивный анализ, мотив природы, мотив безнадежности, мотив встречи.

THE MOTIVES OF A.P.CHEKHOV'S SHORT STORY «STUDENT»*Olga E. Permyakova*

PhD, teacher of Russian and Literature of the highest degree of school № 1852, Moscow.

22a, 2nd Vladimirskaia St., Moscow, 111401 Russia

The author reviews the motive structure of A.P.Chekhov's short story «Student». Movement from nature motives and material objects to motives of reflection and changes in Nature and a Man is revealed, which allows to discover new shades of sense in familiar text.

Keywords: motive, motive analysis, Nature motive, motive of hopelessness, motive of meeting.

Тексты чеховских произведений имеют некую магию: с каждым новым прочтением открывается в них что-то новое. Рассмотрим известный всеми и любимый самим писателем рассказ «Студент», применяя мотивный анализ, который, по мысли И. Н. Сухих, является «одним из продуктивных способов исследования писательского мира, при особом понимании самой категории мотива» [1, с. 19].

Обратимся к тексту рассказа, действие которого начинается с *мотива природы*, вернее, погоды в предпасхальные дни. «Погода вначале была хорошая, тихая... Кричали дрозды, и по соседству в болотах что-то живое жалобно гудело, точно дуло в пустую бутылку» [2, с. 306]. Затем с востока подул «холодный пронизывающий ветер, все смолкло». В лесу стало «неуютно, глухо и нелюдимо», «запахло зимой». С такой безнадежностью в природе связана безнадежность в душе человека – главного героя рассказа Ивана Великопольского – «студента духовной академии», «сына дьячка», которому «казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие, что самой природе жутко, и оттого вечерние потемки сгустились быстрее, чем надо» [2,

с. 306]. К *мотиву холода* в природе добавляется физиологический *мотив голода*: Ивану сильно хотелось есть, так как «по случаю страстной пятницы дома ничего не варили». Холод и голод наводят главного героя на думы о том, что в мире нет гармонии, а есть «пустыня кругом, мрак, чувство гнета – все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше» [2, с. 306].

Казалось бы, картины природы, возникнув вначале произведения, выполняют служебное назначение, но по мере развития сюжета *мотив природы* заявляет о себе как важной составляющей его структуры, дополняющей идейную сущность рассказа.

Мотив безнадежности, сопровождающий *мотивы холода, голода*, проходит через первую половину рассказа. О безнадежности сами за себя говорят слова рассказа о человеке, которому «не хотелось домой». «Не возвратиться домой – значит оставить семью, забыть жену, мужа, дочь и сына, мать и отца; не идти домой – значит оставить дом на произвол судьбы; не идти домой – значит отречься от личной ответственности, от долга, от чести, от свободы; не идти домой – значит отрицать моральные, социальные и духовные связи, составляющие основу не только семьи, но и всех форм общества, истории и жизни» [3, с. 126].

Мотив безнадежности связан с хронотопом пути героя и предполагает возможные, неожиданные встречи. Таким образом, закономерно появляется в рассказе *мотив непредвиденной встречи*. Он становится основным двигателем сюжета рассказа, который изменит личные судьбы героев: «...интенция события заключается в перспективе последующих поворотов в жизни героев... – поворотов случайных, и в то же время закономерных в своей тенденции завершения судеб героев» [4, с. 159].

Действительно, *мотив встречи* в рассказе является сюжетно значимым и фабульно-функциональным. Иван встречается с двумя женщинами, которые сидели возле костра. Мастерски, одной деталью, описывает Чехов героинь: Василиса, с лица которой «не сходила мягкая, степенная улыбка» и ее дочь Лукерья, «забитая мужем», с выражением лица «как у глухонемой». Иван начинает рассказывать женщинам о том, как «так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр» [2, с. 307], что произошло в ту страшную ночь во дворе первосвященника: избиение Иисуса, отречение Петра: «Он третий раз отрекся. И после этого раза тотчас же запел петух, и Петр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые он сказал ему на вечери... Вспомнил, очнулся, пошел со двора и горько-горько заплакал» [2, с. 308]. Иван вместе со случайно встретившимися женщинами переживает то далекое событие, как действительно совершающееся в настоящем: «Студент вздохнул и задумался. Продолжая улыбаться, Василиса вдруг всхлипнула, слезы, крупные, изобильные, потекли у нее по щекам, и она заслонила рукавом лицо от огня, как бы стыдясь своих слез, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснела, и выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль» [2, с. 308].

Так вместе с моментом встречи Ивана у костра с двумя вдовами и его рассказом о евангельской истории, навеянного холодом и голодом, в

сюжет входит другая история, содержащая неожиданный поворот в личной судьбе героя, – и начинается его духовное прозрение. Кроме того, реакция слушающих рассказ Ивана: слезы Василисы, смущение ее дочери – дала возможность нового взгляда на жизнь и на себя в этой жизни. «И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошлое, – думал он, – связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой» [2, с. 309].

Возникшее новое ощущение непрерывности, вечности лучших человеческих побуждений, находящее выражение в образе невидимой единой цепи, а также чувство обновления и просветления в душе героев от непредвиденной встречи и рассказанной евангельской истории отмечены тем, что на западе взгляду героя открывается «холодная багровая зари». Немаловажным является упоминание о том, что Иван Великопольский «переправлялся на пароме через реку» и поднимался на гору. Следуя традиции, Чехов использует образы реки и переправы не только в реальном значении. Река, паром, огонь костра, подъем героя на гору, вид неба на западе с узкой светящейся полосой зари – все это зримые детали материальной картины мира, за которыми, однако, проступает не менее важный их символический смысл. При этом образ реки – «символ необратимого потока времени» [5, с. 57], а также «символ направления» [6, с. 416], средство переправы (паром, лодка) – это символ направления к спасению человека [7], костер – символ «магического единства сидящих у костра» [(5, с. 55)]. Все это поддерживает образ «непрерывной цепи событий, вытекавших одно из другого», опровергая первоначальные представления студента о жизни как замкнутом однообразном круге и, кроме того, указывая на свершившееся преобразование героя.

В рассмотренном рассказе Чехова наблюдается движение от мотивов природы, материальных предметов – к мотивам размышлений и преобразований как в природе, так и в человеке. Выявленные мотивы дают возможность по-новому взглянуть на давно знакомый текст, открыть в нем оттенки смысла, не заметные вне погружения в мотивную плоскость.

Литература

1. Сухих И. Н. Проблемы поэтики Чехова. – СПб., 2007.
2. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1986. – Т. 8.
3. Джексон Р. А. «Человек живет для ушедших и грядущих» // Вопросы литературы. – 1991. – № 8.
4. Силантьев И. В. Поэтика мотива. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. Энциклопедия символов / сост. Е. Я. Шейнина. – М., Харьков, 2001.
6. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / сост. В. Андреева и др. – М., 2000.
7. Краваль Л. А. Рисунки Пушкина как графический дневник. – М., 1997. (Серия «Пушкин в XX веке»).